БИБЛІОТЕКИ
Историко-Литературныхъ и
Юридическихъ В. Ж. Курсовъ
Н. П. РАЕВА.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Пров. 50

СБОРНИКЪ

15728

1876

22845

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ и АПРѢЛЬ.

Хромолитографія и Типографія В. И. Граціанскаго.

С.-Петербургъ, Невскій пр., ряд. съ Пассажемъ, д. № 46.

Древняя и Новая
Россія

XI—XIV в. вліяли на русское общество еще съ другой стороны. За небольшимъ исключеніемъ, всѣ они поражаютъ однимъ присущимъ имъ характеромъ, именно: смѣшеніемъ основныхъ, незыблемыхъ догматовъ христіанства съ обрядами, съ мѣстными обычаями. Существенное отъ несущественнаго въ дѣлѣ вѣры въ нихъ не разграничено, такъ что рядомъ съ догматомъ о св. Троицѣ стоятъ вопросы о нечистой пищѣ, о ношеніи перстня латинскимъ епископомъ, о перстосложеніи, изображеніи иконъ, о пѣніи аллилуіа, о стриженіи брады и т. п. Едва-ли кто будетъ утверждать, что подобное «смѣшеніе» прошло безслѣдно для древней и современной Руси! Цѣль предлагаемаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить по древнимъ памятникамъ какія понятія о латинахъ передавали новообращенной Руси ея духовные наставники, и въ частности какимъ именно литературнымъ путемъ проникали къ намъ памятники византійской полемической литературы».

Таковъ взглядъ самого автора на свой трудъ; рецензенту остается на долю пріятная обязанность заявить, что этотъ взглядъ вполнѣ вѣренъ и что трудъ совершенъ добросовѣстно и тщательно, съ возможно-полнымъ знаніемъ дѣла и съ тѣмъ ученымъ умѣніемъ, которое не закрываетъ дорогу ни будущимъ находкамъ, ни будущимъ изслѣдованіямъ, а, напротивъ, облегчаетъ для нихъ путь. Истинно-ученое изслѣдованіе тѣмъ и отличается отъ диллетантскаго, что оно, полно изчерпывая весь доступный матеріалъ, принимая въ соображеніе все, что должно и можно принять, становится краеугольнымъ камнемъ для будущихъ изслѣдованій: на него смѣло можно опираться, къ нему можно прибавлять, быть можетъ, иногда даже поправлять его новыми матеріалами, но то, что имъ сдѣлано, уже есть достояніе науки. Сочиненіе А. Н. Попова распадается на три главы: первая заключаетъ въ себѣ обозрѣніе памятниковъ полемической литературы какъ переводныхъ, такъ и компилированныхъ XI—XII в., причемъ тѣ памятники, которые не были изданы, помѣщены въ полномъ видѣ, изданные по наиболѣе древнимъ спискамъ, сравнительно съ греческими подлинниками, ими переведенными или компилированными; памятники, уже изданные, послужили предметомъ изслѣдованія относительно своего состава. Изслѣдованіе приводитъ къ очень важному результату: указываетъ на различие эпохъ въ греческой полемикѣ: сначала болѣе догматической, потомъ болѣе обрядовой. Изъ частныхъ результатовъ нельзя не указать на то, что два посланія Никифора, одно къ князю Ярославу, другое къ неизвѣстному князю, являются теперь списками одного и того же посланія, а князь Ярославъ основательно признается не Ярославомъ Святославичемъ Муромскимъ, а Ярославомъ Святополковичемъ Волынскимъ. Вторая глава заключаетъ обзоръ полемическихъ сочиненій до флорентійскаго собора и отличается тѣми же пріемами и тѣми же достоинствами какъ и первая. Третья глава содержитъ въ себѣ памятники, относящіеся къ эпохѣ флорентійскаго собора. Здѣсь въ первые напечатано посланіе патріарха Григорія къ кіевскому князю Александру, внуку Ольгерда и издана по лучшему списку «Повѣсть» Симеона, іерея суздальскаго о флорентійскомъ соборѣ. Въ приложеніи къ изслѣдованію помѣщенъ извѣстный разсказъ, приписываемый суздальскому епископу Авраамію, сопровождавшему Исидора на флорентійскій соборъ, о видѣнномъ имъ представленіи мистеріи. Этотъ памятникъ, доселѣ извѣстный въ изданіи «Вивліофики», хотя и давно обращалъ на себя вниманіе (см. «Исторію русск. словесн.» Шевырева) по прелестной наивности разсказа человѣка, видящаго въ первый разъ подобное зрѣлище и заинтересованнаго преимущественно его механической стороною; но напечатанный по новому списку, съ очевиднымъ подновленіемъ слога и безъ всякихъ указаній на списокъ, возбуждалъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя теперь должны разсѣяться въ виду того, что списокъ, изданный А. Н. Поповымъ, принадлежитъ XVI в. такимъ образомъ, этотъ драгоцѣнный памятникъ можно считать окончательно пріобрѣтеннымъ для науки. Окончивая свой краткій обзоръ, мы убѣждены, что возбудили вниманіе къ замѣчательной книгѣ, которая, вѣроятно, никогда не будетъ забыта въ наукѣ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Дополненіе къ очерку славянорусской библіографіи В. М. Ундольскаго, содержащее книги и статьи, пропущенныя въ первомъ выпускѣ хронологическаго указателя славянорусскихъ книгъ церковной печати съ 1441 года по 1864 годъ, въ особенности же перечень галицко-русскихъ изданій церковной печати. Составлено Яковомъ Головацкимъ. С.П.Б. 1874.

Библіографическій перечень, конечно, составляетъ основаніе работы для исторіи литературы, поэтому нельзя не поблагодарить г. Головацкаго за то, что онъ взялъ на себя скучный трудъ составить перечень книгъ, заглавіе коего выписано выше. Мы жалѣемъ только объ одномъ, зачѣмъ авторъ слишкомъ уже формально отнесся къ своей задачѣ и, перечисляя галицкія изданія, ограничился только изданіями церковной печати. Ему не трудно было бы внести въ свой указатель и галицкія изданія гражданской печати, которыя въ Галичинѣ стали появляться недавно,—и тогда мы бы имѣли полный указатель русской литературы въ Австріи.

Масса публики мало чему можетъ поучиться изъ литературнаго указателя, если онъ не снабженъ статистическими соображеніями. Мы постараемся поэтому выставить на видъ въ указателѣ г. Головацкаго такія данныя, которыя могутъ характеризовать нѣкоторыя общеинтересныя стороны положенія русской литературы и общества въ Галичинѣ, такъ какъ даже пересмотръ однихъ заглавій книгъ галицко-русскихъ приводитъ къ довольно интересным выводамъ и опровергаетъ многія ложныя представленія, высказываемыя объ этомъ предметѣ въ польской и русской печати.

Такъ напримѣръ, въ польской, а отчасти и въ галицкой русской печати, какъ строго уніатской (Regierungs-ruthenen), такъ и «народной» партіи, принято отличать термины

«Русь», «рускій»,—и «Россія, русскій, россійскій», подъ Русью—разумѣется Малороссія, (или у поляковъ и Бѣлоруссія), а подъ Россіей—Великороссія. Г. Духинскій и его послѣдователи пробовали было распространить эту терминологію и въ западной Европѣ. Трусливая придирчивость нѣмецкой и польской администраціи, поддержанная мелочностью, неясностью понятій и недостаткомъ независимости характера галицко-русской интеллигенціи, дали политическое значеніе этой терминологіи. Лѣтъ десять назадъ галицкая газета «Слово» сообщила, что администрація обращаетъ вниманіе на то, какъ пишетъ кто слово русскій и усматриваетъ въ русскомъ—великоруссоманію, въ руськомъ—украиноманію, а только рускій считаетъ благонамѣреннымъ. И послѣ даже по тому, писало-ли «Слово» одно с, или два, можно было видѣть кому оно въ данное время хотѣло больше понравиться.

Въ рядѣ статей въ галицко-русскомъ журналѣ «Правда» въ 1873—77 гг., подъ заглавіемъ «Литература россійска, великорусска, украинска и галицка», мы подробно говорили о неосновательности вышеупомянутой терминологіи съ точки зрѣнія культурно-исторической. Теперь мы коснемся ея, по скольку это необходимо въ замѣткѣ о трудѣ г. Головацкаго. Дѣло въ томъ, что это раздѣленіе Руси и Россіи есть выдумка новѣйшаго времени, что, конечно, очень хорошо извѣстно спеціалистамъ, но неизвѣстно вовсе массѣ публики, особенно въ Галичинѣ, гдѣ въ 1865 г. появилась въ газетѣ «Praca» особая статья «Rossija a Rus», переведенная тогда же и въ журналѣ «народной» партіи «Мета». Въ старину, до XV—XVI в. вездѣ и во Львовѣ, какъ и въ Москвѣ, писали Русь, руській, рускій одинаково о землѣ галицкой, какъ и о московской, а потомъ, когда начали подражать грекамъ и латинамъ, то также безразлично писали Руссія, Россія, русскій, руссійскій, россійскій и при томъ такъ писать стали сначала именно въ западной Руси, какъ болѣе знакомой съ греками и латинами [1]). Въ указателѣ г. Головацкаго находимъ въ заглавіи книгъ, напечатанныхъ во Львовѣ, Вильнѣ, Супраслѣ, въ Венеціи и т. д., слѣдующія слова: Киръ Григорію Кирницкому въ Россіи, Львовскія земли обывателю (№ 27 годъ 1641). Вопросы еллино-россійскіе (№ 20, годъ 1715). Грамматика языка руссійскаго (№ 82, 1754), благословеніемъ Киръ Феликса Филиппа Володковича, митрополита (уніатскаго) кіевскаго, галицкаго и всея Россіи, владим. и берестійскаго еписк. (№ 122, 123, г. 1773, 1774). Богословіе нравоучительное зъ богословія... пространно римскимъ діалектомъ о тайнахъ и цензурахъ, сирѣчь казнехъ либо надзираніяхъ церковныхъ написаннаго на русскій діалектъ и проч. (№ 174 г. 1791) и т. д. и т. д. По присоединеніи Галичины къ Австріи и учрежденіи Львовскаго университета, Петръ Лодій выражалъ въ стихахъ «Усердная желанія» юнаго «россійскаго клира» и звалъ себя «любомудрія умозрительнаго и дѣйствительнаго кес. цесарскимъ народнымъ въ россійскомъ языцѣ профессоромъ» (№ 176, г. 1791).

Разумѣется, въ старину въ каждой русской области языкъ той области или лучше языкъ книжниковъ той области и считали настоящимъ русскимъ или россійскимъ. Рѣдко кто понималъ различіе русскаго языка отъ церковно-славянскаго. Такъ, первый опытъ систематизаціи особенностей русскаго языка, сдѣланный на основѣ западно-русской рѣчи, грамматика Мелетія Смотрицкаго, озаглавленъ былъ «Грамматика славянская» (1618), авторъ же Синопсиса, пишучи «о народѣ русскомъ или свойственнѣе россійскомъ и о нарѣчіи или назвиску его», утверждалъ, что «Россы отъ россѣянія своего прозвавшася, а отъ славянъ именемъ точію разнствуютъ и яко единъ и тойжде народъ славянскій нарицается славено-россійскій или славно-россійскій». Въ XVIII в. въ московской Руси послѣ передѣлки западно-русской грамматики Смотрицкаго (1721) стали называть языкъ писаній малорусскихъ, который въ XVII в. московскіе дипломаты звали «бѣлорусскимъ письмомъ»,— малорусскимъ, и понятіе «русскій» стало все больше отожествляться съ «великорусскимъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣляться отъ церковно-славянскаго. Въ Галичинѣ же, вслѣдствіе преимущественно церковнаго воспитанія интеллигенціи, старинныя понятія зажились до самаго послѣдняго времени. Тамъ выраженія: славяно-русскій діалектъ встрѣчаемъ не только въ XVII—XVIII в. (№ 195), но и въ XIX в., въ книгахъ, изданныхъ въ 1822, 27, 31, 1857 гг. (246, 252, 261, 45) и хотя-бы кто написалъ книжку такимъ языкомъ, какъ «Дщица срицательная или табель слогоучительная», то все воображаетъ, что онъ пишетъ «русскимъ діалектомъ». Съ 30 годовъ въ Галичинѣ нѣкоторые начинаютъ понимать отличіе тамошняго книжнаго языка отъ того, который выработался въ Россіи подъ все болѣе ростущимъ великорусскимъ вліяніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ туда начинаютъ проникать понятія о разновидностяхъ народнаго русскаго языка, выработанныя нашими и западными учеными. Съ этихъ поръ появляются книги съ такими заглавіями: «Ерлькёнигъ, переведенъ на малорусскій языкъ Іосифомъ Левицкимъ (1838, № 289). Мотыль, стихъ на малорусскомъ языцѣ соч. Руд. Мохомъ (1844, № 298), но сами авторы видимо затрудняются опредѣлить, что это за языкъ, такъ что тотъ же Іос. Левицкій называетъ другой свой переводъ уже такъ: «Звонъ»(колоколъ) Шиллера изъ нѣмецкаго на галицко-русскій переведенъ и пр. (1839, № 292), а третій опять: «Шиллера борьба со смокомъ и порука изъ нѣмец. на малорусскій языкъ»(1842, № 306), наконецъ четвертый «Шиллера Водолазъ, ходъ до желѣзной гуты и рукавичка», (1844, № 317) издаетъ вовсе уже безъ помѣтки о языкѣ.

Въ 1845 г. И. Вагилевичъ издаетъ не первую уже «Грамматику языка малорусскаго», но на польскомъ языкѣ съ разнокалиберными образцами, печатаемыми церковно-славянскимъ шрифтомъ, какъ и все, о чемъ до сихъ поръ говорилось. Въ 1847 г. правительство издаетъ книжку въ Вѣнѣ «Наука о управѣ тютюну для Галиціановъ», съ заглавіемъ, избѣгающимъ всякихъ опредѣленій народности. А въ 1848 г. поднимается, по реакціи польскому, національное русское движеніе, которое правительство то поощряетъ, то старается уменьшить, опасаясь, что, будетъ-ли оно великорусское, или малорусское, — и въ томъ и въ другомъ случаѣ оно можетъ примкнуть къ движенію, исходящему изъ Россіи. Сеймъ начинаетъ писать адресы

[1]) Въ знаменитой картѣ свѣта Фра-Мауро, нарисованной въ Венеціи въ мон. Camaldoli въ 1457 г., отмѣчена почти исключительно Русь западная и подъ такими названіями: Rossia Sarmatia over Russia in Europa, Rossia Lituana, Rossia Rossa, Rossia Nigra, Rossia Biancha. См. въ атласѣ при Vivien de St. Martin, Histoire de la géographie, pl. VII.

императору отъ «русиновъ», основываются рускіе комитеты, Рада, Матица, появляется «Зрѣлище руское», впервые въ Перемышлѣ, гдѣ давали Котляревскаго «Москаль Чаровникъ», говорятся «Бесѣды», «Одозвы» отъ и «до рускаго народа» [2]). Польскія и русскія фракціи и правительство начинаютъ издавать газеты для русиновъ: «Дневникъ рускій», изд. польской фракціей, «Галичо-рускій Вѣстникъ», который намѣстникъ Голуховскій велѣлъ печатать только въ 150 экземп., «Всеобщій дневникъ земскихъ законовъ и правительства для коронной области Галиціи и Володиміріи» за 1848—49 г. и слѣд., «Вѣстникъ законовъ державныхъ», «Вѣстникъ, повременное письмо, посвященное политическому и нравственному образованію русиновъ Австрійской державы» (въ Вѣнѣ съ 49—1867 г.), «Земскій правительственный Вѣстникъ для Угорщины» (на нѣмец. и русскомъ), «Зоря Галицка, письмо повременное» (съ 1848) и т. д. и т. д. Патріоты сочиняютъ слова на «Имнъ народный отъ Пальме, мусикія отъ І. Гайдена», издаютъ «буквари славяно-русскіе» и «читанки рускія для низшой гимназіи (№ 472, г. 1852) или «Руска перва языко-учебна читанка для II отряду школъ народныхъ въ Австрійской державѣ» (№ 510, г. 1854), «Справозданія Заряда», (отчетъ правленія или, какъ говоритъ г. Головацкій, управительства) общества галицко-русской матицы (№ 565) [3]) и т. д. и т. д. Въ тоже время перепечатываютъ церковнымъ шрифтомъ «Марусю», малорусскую повѣсть Основьяненка (№ 392), и все это считается одинаковымъ по языку, который зовутъ то русскимъ, то русинскимъ, то малорусскимъ, по нѣмецки Ruthenisch.

Этотъ церковный шрифтъ съ малорусскимъ правописаніемъ актовъ XVII в., похожимъ на то, которое у насъ употреблялъ М. А. Максимовичъ, и до сихъ поръ остается оффиціальнымъ австро-русскимъ письмомъ. Не только фонетическое письмо, но и гражданка считалась и до сихъ поръ считается въ оффиціальныхъ и строго-уніатскихъ сферахъ ересью наравнѣ въ великорусскимъ и украинскимъ элементомъ въ языкѣ. Часть «старой» партіи литераторовъ рѣшилась наконецъ на писаніе гражданкой, но принятіе «молодой» или украинской партіей фонетическаго правописанія г. Кулиша оскорбляетъ многихъ и сама «молодшая» партія не рѣшается до сихъ поръ издавать этимъ шрифтомъ и правописаніемъ сочиненій религіозныхъ и популярныхъ. Г. Головацкій разсказываетъ, что, когда Іоаннъ Раковскій сталъ издавать съ 1856 г. «Церковный Вѣстникъ для русиновъ Австрійской державы» въ Будинѣ гражданкой, то графъ Голуховскій выхлопоталъ въ 1858 г. запрещеніе отъ правительства противъ этого шрифта, а послѣ и окончательное прекращеніе журнала (№ 593). Подозрительность австрійскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ властей и уніатскихъ ультрамонтанъ ко всему общему у австрійскихъ русскихъ съ нами, смѣшеніе вопроса о шрифтѣ и правописаніи съ вопросомъ о литературномъ языкѣ, а этого послѣдняго съ чисто-научнымъ вопросомъ о томъ, что такое галицкій народный языкъ, при неясности представленій о языкѣ церковномъ и русскомъ и о нарѣчіяхъ послѣдняго, дѣлаютъ возможнымъ такое вмѣшательство, а равно и то, что оно всегда находитъ себѣ поддержку въ средѣ самихъ австрійскихъ русскихъ. Послѣднее объясняется еще и значительною деморализаціей среди австро-русской интеллигенціи, особенно среди высшаго духовенства. О мелочности и деморализаціи этой можетъ дать понятіе судьба книжки «Литургическій катехизисъ», изданной въ Будинѣ въ 1851 г., исторію которой разсказываетъ г. Головацкій слѣдующимъ образомъ: «Полные экземпляры очень рѣдки. Послѣ изданія этой книжечки каноникъ львовской епархіи, бывшій настоятель ун. церкви и ректоръ духовной семинаріи въ Вѣнѣ, д-ръ Спиридонъ Литвиновичъ, заподозрилъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «**Когда и какъ совершается освященіе даровъ**»? слова: «Многіе, по ученію латиновъ, въ той вѣрѣ бываютъ, что св. дары перемѣняются по изреченіи словъ Христовыхъ: «**пріймите, ядите и пійте отъ нея вси**; мы же въ смыслѣ св. отцовъ вѣруемъ, и исповѣдуемъ, что преображеніе даровъ бываетъ по призваніи св. Духа чрезъ слова: **И сотвори убо хлѣбъ, сіе честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чашѣ сей честную кровь Христа Твоего, преложивъ Духомъ твоимъ Святымъ** и пр.». Нашедши въ этихъ словахъ ересь противъ догматовъ римской церкви, онъ, Литвиновичъ, и канон. и министеріальный совѣтникъ Григорій Шашкевичъ, сдѣлали доносъ римскому нунцію въ Вѣнѣ: вотъ, молъ, какія ереси распространяются канониками пряшовской епархіи и съ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Нунцій вошелъ въ объясненія съ авторомъ катехизиса, каноникомъ Александромъ Духновичемъ, и въ переписку съ епископомъ Іосифомъ Гаганцемъ; но Духновичъ смѣло и рѣшительно отвергнулъ всѣ требованія, увѣщанія и угрозы нунція и твердо стоялъ на своемъ: «Пускай латинствующіе вѣнскіе каноники вѣруютъ, какъ хотятъ; я же Духновичъ такъ вѣрую и исповѣдую и ни за что не отступлю отъ преданій св. отцовъ и ученія св. восточной церкви, такъ-бо вѣруютъ и исповѣдуютъ вся Угорская Русь и всѣ румыны, даже уніаты». Нунцій, видя такую рѣшимость каноника Духновича и поддержку этого дѣла угорско-русскимъ и клиромъ и народомъ, оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ и, не трогая его больше, упросилъ автора, если онъ не хочетъ перемѣнить текста, то пусть позволитъ вырѣзать въ книгѣ нѣсколько листовъ. Духновичъ согласился, и вотъ причина, почему полные экземпляры литургическаго катехизиса весьма рѣдки. Во второмъ изданіи его въ Львовѣ, въ 1854 г., каноникъ Духновичъ приказалъ выпустить эту статью. Однакожъ доносъ Литвиновича остался не безъ послѣдствій: заслуженный епископъ Іосифъ Гаганецъ и ученый каноникъ Александръ Духновичъ записаны въ римскую черную книгу и ни тотъ, ни другой, не были признаны благонадежными кандидатами на львовскую митрополичью или хотя-бы на перемышльскую епископскую каѳедру. Литвиновичъ, от-

[2]) Намъ кажется, что въ указателѣ г. Головацкаго не вездѣ вѣрно скопировано число *с* въ передачѣ слова **рускій** галицкими литераторами, а между тѣмъ это довольно важно для ихъ характеристики.

[3]) Слово **зарядъ**, принятое обѣими галицкими партіями въ смыслѣ **управленіе**, явный полонизмъ, странный равно для украинскаго, какъ и для великорусскаго уха, которое привыкло къ глаголу зарядить (пушку и пр.). Не меньшій полонизмъ и употребляемая галичанами форма **рядъ** въ смыслѣ правительство; по украински слѣдуетъ сказать **урядъ**.

странивъ двухъ сильныхъ соперниковъ, возсѣлъ во Львовѣ на галицкую митрополію въ 1864 г.».

Намъ остается прибавить къ этому, особенно подробному для библіографическаго указателя разсказу, что Литвиновичъ въ бытность свою митрополитомъ былъ постоянно восхваляемъ органами галицко-русской печати, въ томъ числѣ и той, которая заявляла свое усердіе къ сохраненію чистоты восточнаго русскаго обряда, а Григорій Шашкевичъ считался «москвофиломъ» и находился въ весьма тѣсныхъ сношеніяхъ съ православными священниками при нашей миссіи въ Вѣнѣ. Что же касается до угорско-русскаго духовенства, то достаточно вспомнить, какія метаморфозы произвелъ тамъ недавно умершій епископъ Мункачевскій Панковичъ, который, по словамъ изданной кіевскимъ славянскимъ комитетомъ брошюры г. Вл. Терлецкаго, «пышными обѣдами и ужинами, на которые всегда приглашалъ онъ каѳедральныхъ канониковъ и даже вмѣнялъ имъ въ обязанность участвовать въ нихъ, превратилъ многихъ патріотовъ русскихъ каноников въ мадьяроновъ». Не простри Панковичъ своей дерзости до посягательствъ на перемѣну въ Угорской Руси юліанскаго календаря на григоріанскій, Богъ знаетъ, что-бы сталось съ тамошними русскими патріотами. Но, по словамъ недавней корреспонденціи изъ Угорской Руси во Львовскомъ «Словѣ», «провидѣніе не потерпѣло этого замысла и наказало злоумышленника смертью»! Дальнѣйшая судьба русскаго патріотизма среди тамошнихъ каѳедральныхъ каноников зависитъ отъ характера и степени обязательности обѣдовъ и ужиновъ новаго епископа, о чемъ, къ сожалѣнію, еще ничего неизвѣстно.

Другія два примѣчанія г. Головацкаго рисуютъ тоже интересныя стороны галицко-русскаго способа вести политику. Въ 1831 г. ставропигіальный институтъ напечаталъ «Имнъ народный съ музыкою на седьми языкахъ, т. е. на нѣмецкомъ, славяно-русскомъ, польскомъ, чешскомъ, угорскомъ, итальянскомъ и латинскомъ». Г. Головацкій замѣчаетъ: «Ставроп. институтъ пользовался издревле правомъ печатанія книгъ на церковномъ и русскомъ языкахъ. Напечатавъ эту патріотическую книжечку, институтъ пріобрѣлъ право печатанія и на другихъ языкахъ, которое молчкомъ признано австрійскимъ правительствомъ». (№ 45). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 15) читаемъ у г. Головацкаго слѣдующія слова: «Послѣ обращенія въ 1831 г. бывшаго базиліанскаго Почаевскаго монастыря въ православный, остался большой запасъ книгъ, напечатанныхъ базиліанами въ ихъ типографіи, и всѣ эти книги сданы въ складъ, такъ какъ онѣ, будучи противны православію, не могли быть употребляемы въ православныхъ церквяхъ. Львовскій купецъ Михаилъ Димидъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и выхлопоталъ разрѣшеніе правительства на покупку и вывозъ всего запаса книгъ въ Галицію и открылъ книжную лавку во Львовѣ для продажи уніатскихъ почаевскихъ книгъ. Богослужебныя книги, печатаемыя въ Почаевѣ, всегда были любимы въ Галичинѣ и Угорской Руси, потому что онѣ печатались четкимъ шрифтомъ и на хорошей прочной бумагѣ. Впрочемъ, для галицкихъ и угорскихъ руссовъ книги эти уже тѣмъ были привлекательны, что онѣ напечатаны въ Россіи». Объ этихъ чувствахъ галицкихъ и угорскихъ уніатовъ тѣмъ пріятнѣе узнать, что объ нихъ говорится по поводу пріобрѣтенія и, вѣроятно, за безцѣнокъ, книгъ «противныхъ православію». Какъ нельзя болѣе умѣстно слѣдующее замѣчаніе нашего библіографа: «нѣкоторыя изъ этихъ книгъ считаются въ Россіи библіографическими рѣдкостями, а между тѣмъ онѣ находятся въ продажѣ во Львовѣ въ книжной лавкѣ Ставроп. института и купца Димида, вслѣдствіе чего въ моемъ спискѣ и выставлены цѣны имъ»....

М. Драгомановъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Письмо Державина къ Оленину.—Письмо Пушкина къ Гречу.—Письмо Даля къ Гречу.—Два письма Булгарина къ Гречу.—Письмо Булгарина къ Ростовцову.—Письмо Греча къ Булгарину *).

Предлагаемые матеріалы имѣютъ безспорное значеніе по своему содержанію, заключая въ себѣ весьма яркія черты тогдашнихъ литературныхъ понятій и отношеній.

Письмо Державина знакомитъ съ воззрѣніями на литературную критику, господствовавшими у насъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія. Было-бы несправедливо видѣть въ письмѣ Державина выраженіе образа мыслей, принадлежащаго автору. Напротивъ того, слова Державина находятся въ живой связи съ тогдашними нравами и служатъ отголоскомъ настроенія господствовавшаго тогда не только въ литературѣ, но и въ обществѣ. Путь, избранный Державинымъ для огражденія правъ писателя, вытекаетъ изъ общественныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ сложился взглядъ, высказанный маститымъ поэтомъ со всею наивностью добраго стараго времени. Извѣстно, что общественная среда, въ которой жили и дѣйствовали наши писатели, не пріучала къ свободному обмѣну мыслей, къ открытому и безпристрастному обсужденію того, что

*) Письма эти сохранились въ бумагахъ Н. И. Греча и обязательно сообщены намъ въ подлинникахъ, И. Г. Мартыновымъ.